

Л. Е. Куббель

**«ФОРМЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ
ПРОИЗВОДСТВУ» КАРЛА МАРКСА
И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», впервые опубликованная у нас в 1940 г.¹, посвящена главным образом анализу эволюции форм собственности в раннеклассовых и докапиталистических классовых обществах и привлекалась советскими исследователями преимущественно в ходе изучения этой эволюции и связанных с нею социальных последствий. Вместе с тем труд Маркса позволяет проследить связь между развитием форм собственности и форм политической (а также потестарной) организации, обусловленность последних первыми. Более того, внимательное прочтение этого труда Маркса позволяет говорить о некоторых общих закономерностях становления именно политической организации, т. е. организации власти и управления уже в классовом обществе, одновременно как результата появления и укрепления частной собственности и эксплуататорских отношений, и как гаранта их дальнейшего существования и развития.

Среди таких закономерностей едва ли не важнейшее место принадлежит, с одной стороны, принципиальному изменению характера социального контроля, приобретению им политического облика, с другой стороны, двоякой роли возникавшей политической организации — как гаранта воспроизводства заданного состояния общества и его стабильности и как орудия легализации произошедших в обществе необратимых изменений. Этим двум закономерностям и посвящается настоящая статья.

Маркс начинает с констатации «природного единства труда с его вещными предпосылками» в докапиталистических обществах, понимая под этим неразрывную связь работника с землей «как его природной лабораторией»², при господстве и свободной мелкой земельной собственности, и общины, основанной на «азиатской» форме собственности³. Такое единство вполне определенно выступает как необходимое условие общественного производства. Для поддержания этого единства, несомненно, требуется какая-то организационная структура. Нетрудно видеть, что в качестве такой структуры Маркс рассматривает общину в трех ее вариантах: азиатском, античном и германском. При этом реальное функционирование общины в качестве такой организационной структуры оказывается достаточно различным в каждом из упомянутых трех типов, и как следствие, разной оказывается и форма власти, т. е. политической организации. Если говорить в самом общем виде, то при азиатской форме эта организация приобретает вид господства «высшего единого начала» при деспотическом характере власти; в античной общине совмещены экономическая и политическая организация в том смысле, что община сама же оказывается и государством; в случае германской общины говорить о

¹ Маркс К. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*//ВДИ. 1940. № 1. С. 9—27.

² Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 461 (далее ссылки на эту работу даются в тексте).

³ Для нас в данном случае не представляет принципиальным вопрос о существовании или несуществовании азиатского способа производства как особой общественно-экономической формации.

ней как о политической структуре в прямом смысле этого слова не приходится, так как реально такая община существует только в виде сходимости ее членов (с. 463—464, 466, 470). Различия, таким образом, вполне объективны и основываются на различиях в форме собственности. Есть, однако, общая черта: в любом из названных вариантов действует принцип «собственник — член общинного коллектива». Этим принципом задается и жестко ограничивается отношение индивида к себе подобным. Но столь же очевидно, что развитие общественного производства, укрепляющееся общественное разделение труда, а также — и в первую очередь! — возникновение и расширение имущественного неравенства неминуемо должны были вести к появлению в составе общины (вернее, как в самой общине, так и в ее окружении) индивидов, под указанный принцип не подпадающих. Прежде всего это были неимущие общинники, а затем — ремесленники, торговцы и зависимые люди самых разных категорий, каковы бы ни были формы такой зависимости. В этих условиях механизм общинного контроля и поддержания природного единства труда с его вещными предпосылками мало-помалу утрачивал свою эффективность. И в итоге начинала ощущаться потребность в каких-то дополнительных, внеобщинных (или надобщинных) формах контроля отношений между индивидами, имеющих целью прежде всего сохранение, хотя бы внешне, прежнего облика отношений между членами общины, собственниками и владельцами.

Естественным было использовать для осуществления такого вне- или надобщинного контроля те организационные формы, которые до того были обращены в основном на преодоление действия неблагоприятных внешних факторов. Маркс подчеркивает: «Затруднения, возникающие у одной общины, могут вызываться только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ею землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить» (с. 465). Это говорится об общине, связанной с античной формой собственности; такая община выступает также и как «военная и войсковая организация» (там же). Аналогичным образом обстояло дело у кочевников, у которых община выступает и как политическая, точнее — раннеполитическая структура (если принять во внимание доказанный в отечественной науке тезис о неспособности кочевого общества самостоятельно трансформироваться в развитую классовую структуру). Здесь также в роли преграды к нормальному функционированию выступает другая община (с. 480), и организация надобщинная, т. е. кочевое племя оказывается мощным средством кооперации как при защите от других кочевников, так и для завоевательных предприятий.

В то же время община германского типа не может существовать как потестарная и, тем более — политическая структура, из-за того, что не выступает «как единое начало» (с. 470). И Маркс четко фиксирует тот факт, что в данном случае община «существует... не как *государство*, не как *государственность*, как это было у античных народов» (там же). Таким образом, и в этом случае как политическая организация действует структура надобщинного уровня, т. е. племя. А это опять-таки предполагает и военную организацию именно на уровне племени.

Преодолевать сопротивление других общин и при развитии азиатской формы общины приходилось хотя бы для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование заданной хозяйственной системы (скажем, в Двуречье, где такая система имела вид городского центра с тяготевшими к нему периферийными поселениями и связывавшей их системой каналов). Но здесь гораздо большее место принадлежало и выполнению чисто экономических задач: производственной кооперации и комбинирования труда, без чего было невозможно само существование ирригационного земледелия. Однако и тут требовалось определенное принуждение внутри общины, и по мере укрупнения таких хозяйственных единиц

обычного внутриобщинного механизма для этого оказывалось уже недостаточно. Иначе говоря, возникала потребность в насилии или угрозе насилием внутри самой общины.

И не случайно период непосредственного перехода к классовому обществу был отмечен резкой активизацией военной деятельности, т. е. организованного насилия не только вовне, но и внутри тех или иных этносоциальных организмов (ЭСО). Как раз использование потестарной организации и ее военной составляющей для регулирования отношений внутри общины и обозначает рубеж перехода к собственно политической организации. А складываться политическая организация могла в двух главных вариантах (не исключавших, понятно, множества локальных форм) — либо политическая организация совпадала с общиной (таковы были древнегреческие полисы и Рим раннего периода), либо же формировалась надобщинная общность. Такая общность выступала либо в виде «племени — скажем, у германцев или большинства народов Тропической Африки, либо в виде централизованной деспотии — в речных долинах (например, Нильской или в Месопотамии).

Говоря об использовании военно-потестарной организации для регулирования отношений внутри общества как о рубеже перехода к организации политической, следует остановиться на довольно существенном моменте. Правомерна ли вообще постановка вопроса о каком-то едином признаке, свидетельствующем о таком превращении? Известно, что Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» говорил о трех главных характеристиках становящегося государства. К ним он относил, во-первых, появление регулярного налогообложения массы населения; во-вторых, появление независимой от народа публичной власти; и в-третьих, смену прежнего родо-племенного деления народа территориальным. При этом он подчеркивал неразрывную связь новых форм власти с появлением специализированного аппарата внутреннего подавления⁴. Именно совокупность этих трех характеристик позволяет говорить о том, что в данном обществе завершился политогенез и окончательно сложилось государство. Вполне очевидно, однако, что все они вовсе не обязательно складывались синхронно. Конкретные условия исторической действительности могли в разных случаях ускорять или замедлять появление того или другого из таких необходимых элементов сформировавшейся собственно политической организации. И столь же понятно, что такая асинхронность могла давать — и действительно давала — в историческом развитии некие «промежуточные» стадии на пути политогенеза, когда при наличии в каком-либо ЭСО любых двух из выше-названных характеристик отсутствовала третья. Именно поэтому мне кажется существенным разграничивать понятия «государство» и «элементы государственности»⁵: такое разграничение имеет отнюдь не формальный смысл, а отражает вполне реальный исторический факт.

Примеров отсутствия сложившегося государства при бесспорном наличии тех или иных элементов государственности (но не всего их комплекса!) можно привести немало. Возьмем, например, раннесредневековую Западную и Центральную Европу. Здесь население достаточно рано стало организовываться по территориальному принципу; это достигалось путем установления непосредственной связи между верховной властью и общинами. Хотя в то же время и остатки родо-племенного деления сохранялись довольно долгое время. Широкое распространение получили регулярные повинности, как материальные, так и самая главная — военная. Притом как раз в связи с нею раньше всего произошло разделение прав и обязанностей полноправного члена общества: свободный человек мог пользоваться своими правами, лишь неся повинности, прежде всего — воинскую. Но при этом либо вовсе не существовала специализиро-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 170—171.

⁵ О соотношении этих понятий см., например, Куббель Л. Е. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974. С. 345—346.

ванная организация власти, отделенная от народа, либо такой государственный аппарат пребывал еще в зачаточном состоянии⁶.

Иной случай — Тропическая Африка в целом (ибо существовали многочисленные локальные варианты). Здесь медленнее всего при политогенезе укоренялось территориальное деление населения: в этом отношении (как, впрочем, и во многих других) родо-племенной принцип сохранял силу во многих случаях до самого колониального раздела континента. Так было, скажем, на большей части Восточной Африки или в бассейне Конго; даже у таких сравнительно высокоразвитых народов, как фон или йоруба, родо-племенное деление сохраняло немалое значение. А ведь и у фон и у йоруба существовали уже и достаточно развитая административная структура, в большой степени отделенная от народа, и развитая система регулярных налогов и повинностей⁷.

И наконец, достаточно распространены бывали случаи, когда и регулярные налоги и повинности существовали (пусть даже в форме постоянной фиксированной дани), но отсутствовал сколько-нибудь развитый аппарат для их сбора, и к тому же сохранялось родо-племенное деление населения. В результате сбор налога осуществлялся в классической форме полюдьа⁸.

Что же объединяло эти столь различные, на первый взгляд, варианты политогенеза? По-видимому, главным образом то, что при всех таких вариантах возникавшая, либо уже возникшая эксплуатация рядовых свободных людей не имела внешне антагонистического облика. Она осуществлялась под прикрытием направленно трансформируемой традиции, формально восходившей во множестве случаев еще к развитому первобытному обществу, эгалитарному по своей сущности, а на завершающем этапе классово- и политогенеза сознательно приспособляемой для выражения совершенно иного социально-экономического содержания.

Можно также заметить, что контакт с обществами, достигшими более высокого уровня развития, особенно классовыми, ускорял вызревание всех упомянутых выше элементов государственности и складывание государства в полном смысле этого слова. В данном контексте — «вторичного» государства, если воспользоваться терминологией многих исследователей⁹. Но контакт этот действовал отнюдь не равномерно ускоряющим образом. Наличие более развитых соседей активизировало прежде всего формирование и укрепление военной организации, которая, однажды возникнув, затем почти неизбежно толкала общество на военный путь политогенеза ввиду быстрого укрепления позиций военных предводителей¹⁰. Причем направление эволюции было таким в обоих случаях — и тогда, когда надо было сопротивляться натиску соседей, стремившихся подчинить и эксплуатировать «варваров», и тогда, когда слабость соседа, уже переступившего рубеж классового уровня развития и политической организации (это чаще всего случалось с ранними государствами), делала его заманчивой добычей для этих варваров, очень часто сохранявших еще неоспоримое военное превосходство.

⁶ См. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1968; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале Западной Европы раннего средневековья)//Вопросы истории. 1967. № 1; Колесницкий Н. Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах//Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.

⁷ См., например, Кочакова Н. Б. Города-государства йорубов. М., 1968; *ее же*. Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986; *Herskovits M. J.* Dahomey, an Ancient West African Kingdom. Vol. 2. Locust Valley, N. Y., 1938; *Akinjogbin J. A.* Dahomey and Its Neighbours, 1708—1818. Cambridge, 1967.

⁸ См., например, Кобищанов Ю. М. «Полюдь» в Тропической Африке//Народы Азии и Африки. 1972. № 4; Камерон В. Л. Пересекая Африку. М., 1981.

⁹ *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N. Y., 1967. P. 240—242; *Price B. J.* Secondary State Formation: An Explanatory Model//Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Philadelphia, 1978. P. 179—184; *Khazanov A. M.* Some Theoretical Problems of the Study of the Early State//The Early State. The Hague; P.; N. Y., 1978. P. 81—84.

¹⁰ См. Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И. Этнография и науки о государстве и праве//Вестник АН СССР. 1984. № 10.

В подобных обстоятельствах на первое место в политогенезе неизбежно выступало складывание отделенной от основной массы народа публичной власти. Впрочем, стоит, по-видимому, задуматься и над тем, что наличие такой власти оказывалось необходимым не только в обрисованной выше обстановке контакта с более развитыми соседями. Эта власть нужна была для того, чтобы смогли сложиться два других характерных признака организации политической. В самом деле, без наличия достаточно эффективного аппарата власти, подкрепляемого, с одной стороны, определенным потенциалом насилия, а с другой, — соответствующим идеологическим воздействием (о чем пойдет речь далее), невозможно было бы ни обеспечить разделение народа по чисто территориальному признаку, ни, тем более, гарантировать правильное, т. е. регулярное, функционирование сети налогообложения. Первое — потому что на данном уровне общественного развития любая неотделенная от народа верховная власть непременно будет сама строиться на родо-племенной основе. Второе — потому что налогообложение как таковое требует специализированного, пусть даже и только начинавшего специализироваться, зачаточного аппарата (в этом, так сказать техническое отличие налога от дани, которая либо доставляется самими облагаемыми, либо же собирается полудем). Поэтому представляется возможным поставить вопрос: не обладало ли формирование отделенной от народа публичной власти в какой-то степени приоритетом по отношению к двум другим признакам государственной организации? Иными словами: можно предположить, что упоминавшееся ранее обращение военной организации внутрь общества, т. е. начинающаяся специализация внутреннего подавления действительно отмечает важнейший рубеж перехода.

Принципиальное значение имеет указание Маркса на то, что «племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся в результате смешения победителей с покоренными племенами» (с. 465). Высказанное в связи с античной формой собственности и, соответственно, с общиной полисного типа, когда именно община представляла высший уровень политической организации, это соображение, формально касающееся лишь поздних этапов племенного строя, в то же время по самой своей сути относится к гораздо более широкому кругу явлений. В самом деле, именно в случае завоевания, при подчинении одного ЭСО другим, превращение потестарной организации завоевателя в политическую прежде всего по отношению к покоренным, но затем и к основной массе членов ЭСО-завоевателя проявлялось особенно ярко.

И именно сложившаяся таким образом политическая организация выступала в роли главного гаранта (хотя в определенных случаях могла быть и формой) таких явлений, как тот или иной вид эксплуатации, чаще всего строившейся на исключительном праве собственности на те или иные средства производства. В связи с античной общиной Маркс имел в виду как объект такого исключительного права прежде всего землю. Через отношение к земле в значительной мере реализовалось в племени «негативное единство по отношению к внешнему миру» (с. 466). Однако такое негативное единство могло осуществляться и в форме исключительного права на владение скотом, как то было, например, в Африканском Междоузье. Непременным спутником такой исключительности бывало различие статусов и т. п. В этих случаях ускоряющая роль завоевания в складывании собственно политической организации была вполне очевидной. И не исключено, что как раз такая очевидность стала одним из главных факторов, породивших на свет «завоевательную теорию» возникновения эксплуатации и государственности, восходящую при любых ее вариантах, как «грубых» (типа, скажем, так называемой хамитской теории), так и осовремененных, к трудам Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера, а в наше время более всего связанную с именем Р. Карнейро¹¹.

¹¹ Гумплович Л. Социология и политика. М., 1895; его же. Основы социологии. СПб., 1899; Oppenheimer F. The State: Its History and Development Viewed Sociologically. L., 1908; Carneiro R. A Theory of the Origin of the State//Science. 1970. Vol. 169.

Политическая организация и при своем становлении и в ходе функционирования неизменно выполняет двоякую роль. Во-первых, как о том только что говорилось, она должна гарантировать воспроизводство заданного состояния общества и стабильное функционирование этого общества. Но, во-вторых, ничуть не менее существенно гарантировать и легализовать в той или иной форме инкорпорацию в это заданное состояние новшеств, сводившихся в конечном счете к дальнейшему укреплению в обществе отношений господства и подчинения, отношений эксплуатации, и к расширению круга тех, кто этой эксплуатации подвергается. То есть политическая организация выступает одновременно и как «силовая» и как идеологическая гарантия в обоих аспектах своей деятельности.

Сам по себе вопрос о характере и формах идеологической гарантии необратимости изменений, происходивших при становлении классового общества слишком широк для того, чтобы его можно было бы рассмотреть во всем объеме в рамках журнальной статьи. Поэтому остановимся лишь на одном вопросе: идеологическом и ритуальном обеспечении становления верховной власти классового общества.

Маркс подчеркивает, что становление верховной власти при разных формах собственности и общины неизменно связано с представлением о «природных или божественных предпосылках» производства (с. 463, 466), так как вытекает из первоначального представления об общей собственности на главное средство производства — землю. При всех различиях между той же азиатской и германской формами собственности и, соответственно, общины все в конечном счете сводится к одному: чтобы располагать собственностью, надо быть членом племени (с. 482). Но в то же время сохранение старой общины «заключает в себе разрушение тех условий, на которых она покоится, и оно переходит в свою противоположность» (с. 483). И далее: «В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия..., но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» (с. 483—484). И как раз создание новых представлений и выработка новых способов общения и нового языка достаточно убедительно прослеживаются на примере становления новых форм верховной власти.

Смысл процесса возникновения верховной власти при переходе от доклассового общества к классовому заключался в коренном изменении существа этой власти, превращении ее из потестарной в политическую. С точки зрения соотношения между властью и обществом это означало постепенное отделение власти от коллектива и ее возвышение над ним. При этом власть в известной мере обретала независимость от массы членов общества. Такие перемены должны были находить и действительно находили отражение в массовом сознании и в идеологии соответствующего общественного организма. Важнейшим же средством закрепления новых элементов в идеологии и тем самым превращения ее в идеологию общества классового было видоизменение ритуала, символизировавшего в конечном счете систему существующих в обществе ценностей. В ходе этого процесса в действующую систему ценностей конкретного социально-экономического организма вносилось принципиально новое содержание. И содержание это можно определить как идеологическую институционализацию неравенства, возникшего еще в рамках эгалитарного общества, т. е. неравенства между ранее равными.

Ведущим компонентом массового сознания и идеологии, типичных для предклассового общества, т. е. общества первобытного, было представление о единстве и сплоченности как необходимом условии благо-

P. 733—738; *Idem*. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion//Origins of the State. P. 205—224. Критику концепции Карнейро см.: Хаза-нов А. М. Классообразование: факторы и механизмы//Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 137—139; Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. N. Y., 1982. P. 135—136.

получия общества. Эта идея на ранних этапах общественного развития естественным образом символизировалась руководящим коллективом: поначалу — собранием членов общины, затем советом старейшин или глав семей. Постепенно в соответствии со все усиливавшимся разделением труда начало намечаться отделение непосредственно производственной деятельности от руководства; равным образом появились зародыши специализации лидеров в разных сферах общественной жизни — предводитель, военный вождь, жрец.

Здесь, впрочем, следует постоянно помнить, что употребляемая выше терминология в известной мере условна. Речь идет о том, что понятия лидер и вождь, строго говоря, обозначают принципиально разные явления: эти явления восходят к совершенно разным ступеням общественного развития и разделены достаточно большим временным промежутком. Очень медленно и постепенно протекавшее превращение постоянного, но все же случайного предводителя, обязанного своим положением определенным личным способностям, отвечавшим какой-то общественной потребности, в вождя, обладавшего немалыми большими полномочиями (и наследственного как возможный вариант) как раз и представляло наиболее абстрактное выражение процесса институционализации власти. Но институционализация эта шла одновременно с параллельно протекавшим укреплением идеологического представления о неравенстве как неотъемлемой части общественной жизни. Само собой разумеется, что этот двусторонний процесс объективно был вторичен, так как обуславливался прежде всего ростом производительных сил общества и вытекавшим отсюда усложнением производственных отношений и всей структуры общества.

С наступлением этапа развития верховной власти, непосредственно предшествовавшего появлению государства, т. е. такого, который в общем соответствует понятию вождества, получившему права гражданства и в зарубежной и в отечественной литературе¹², становилось возможным заменить некий управляющий коллектив отдельным индивидом в качестве символа всего общества. А такое изменение в идеологических представлениях общества требовало и соответствующих перемен в ритуале, эти представления выражавшем.

Данный процесс, конечно, нельзя упрощать. Прежде всего, не следует забывать, что возвышение личности индивидуального предводителя было неразрывно связано и со сложением привилегированного статуса той группы членов общества, к которой такой индивидуальный предводитель, вождь, принадлежал по происхождению. То есть группы, связанной с ним узами родства, пусть даже во множестве случаев родства фиктивного — манипуляции генеалогиями тоже оказывались уже довольно рано одной из форм идеологического обоснования власти. До последнего времени это обстоятельство рассматривалось в литературе чаще в качестве результата и следствия создания вокруг вождя некоего зачаточного административного аппарата. Однако же не менее логично предположить, что само выдвижение единоличного руководителя в обществе, где родственные связи еще играли определяющую роль (если и не целиком определяющую, то, во всяком случае, в весьма заметной степени), должно было быть в такой же мере результатом возвышения родственной группы, к которой этот руководитель принадлежал, как и предпосылкой

¹² *Oberg K.* Indian Tribes of Northern Matto Grosso//Smithsonian Institution. Institute of Social Anthropology Publications, № 15, 1953; *Service E. R.* Primitive Social Organisation. An Evolutionary Perspective. N. Y., 1971. P. 132—169; *Idem.* Origins of the State and Civilisation. The Process of Cultural Evolution. N. Y., 1975. P. 74—78, 86—97, 294—296; *Fried M. H.* The Evolution of Political Society. P. 185—226; *Першиц А. И.* Вождество//Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 34—36; *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы. С. 161 и сл.; *Васильев Л. С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура//Народы Азии и Африки, 1981. № 6; *его же.* Проблема генезиса китайского государства (формирование основной социальной структуры и политической администрации). М., 1983.

такого возвышения. Речь шла по существу о постепенном превращении верховной власти в своего рода корпоративную собственность этой группы. Взаимная обусловленность обеих сторон процесса достаточно хорошо видна (будучи при этом выражена в разной степени) в обществах очень разного уровня социально-экономического развития: от различных групп пуэбло на Юго-Западе США до полинезийских раннегосударственных образований, строившихся вокруг конического клана, или рэмиджа. Сходную картину рисуют нам и находившиеся как бы между этими двумя полюсами общества бантуязычных народов Южной и Юго-Восточной Африки.

Как раз к этим народам, в частности к зулу и свази, можно обратиться как к примеру. В обоих случаях считалось, что верховный правитель олицетворяет весь народ в целом. Но в то же время в неявной форме — и это фактически осознается общественным мнением — он выступает и как представитель и олицетворение этого коллектива родственников, к которому относится по происхождению¹³. Характерно, что в тех случаях, когда традиционная норма допускала и соперничество между претендентами на верховную власть (как обстояло дело у зулу), в массовом сознании все выглядело таким образом, что не просто того или другого из претендентов поддерживает его родственная группа. Он действует также в качестве олицетворения и выразителя вполне правомерных, с точки зрения потестарной традиции, перераставшей в политическую, претензий именно этой родственной группы на участие в осуществлении власти¹⁴. Иначе говоря, на стадии перехода сохранялось типичное для развитого родового общества представление о праве любой значимой для данного ЭСО структурной единицы быть представленной при центральной власти¹⁵. По-видимому, подобное представление особенно ясно выступало в тех случаях, когда переход от родового к классовому обществу осуществлялся через этап военной демократии, а затем через военную иерархические структуры как форму потестарной организации. Хорошим тому примером могла бы служить федерация ирокезов, какой описал ее Л. Г. Морган если отвлечься от наличия в ее составе уже и «младших» племен, которые правом на такое самостоятельное представительство не пользовались¹⁶.

Вполне понятно, что процесс фиксации в ритуале менявшихся идеологических представлений о власти и ее носителе проходил достаточно медленно и поэтапно. Сначала в обряд как бы «подставлялось» новое социальное содержание при сохранении внешних его форм; притом такая подстановка отнюдь не сразу и не всегда осознавалась участниками действия, тем более, что и происходила-то она, сколько можно судить по этнографическим материалам, поэтапно. И лишь затем начиналось по-немногу и изменение формы ритуала или же в конечном счете складывался совершенно новый его облик.

Особенно это заметно при рассмотрении непосредственно предполитических, предгосударственных форм организации власти, в частности, вожеств. Изменения в идеологических представлениях о верховной власти и соответствующие им перемены в ритуальной сфере проявлялись двояко. Во-первых, особенно подчеркнутой становилась роль вождя как олицетворения и агента неразрывной связи общества с землей, на которой оно обитает, и с предками, от благоволения которых зависит общественное благоденствие. Во-вторых же, формировался, с одной стороны, комплекс запретов вокруг сакральной или квази-сакральной фигуры

¹³ Gluckman M. The Kingdom of Zulu//African Political Systems. L., 1940. P. 25—55; *Idem*. Order and Rebellion in Tribal Africa. L., 1963; Kuper H. An African Aristocracy: Rank Among the Swazi. L., 1947. P. 120—121; *Eadem*. The Swazi: A South African Kingdom. N. Y., 1963. P. 55—56.

¹⁴ Gluckman M. Order and Rebellion... P. 19.

¹⁵ См., например, Fortes M. The Political System of the Tallensi of the Northern Territories of the Gold Coast//African Political Systems. P. 238—271; *Idem*. The Dynamics of Clanship Among the Tallensi. L., 1945.

¹⁶ Морган Л. Г. Лига Ходеносауни, или ирокезов. М., 1983.

вождя и, правда в меньшей степени, да и не сразу, вокруг его ближайшего окружения, а с другой, вырабатывались формы и приемы ритуального нарушения этих запретов.

Это явление как раз и отражает в общественном сознании то принципиальное изменение и характера власти, и ее восприятия, о каком шла речь выше. Здесь хорошо видна амбивалентность власти и ее носителя: это уже не просто символы единства и благополучия данной общности, но и нечто ей противостоящее, представляющее для управляемых некие смутно осознаваемые угрозу и опасность. Власть, в особенности власть верховная, уже отделилась от коллектива, приобрела благодаря развитию общественного производства и разделения труда известную независимость. И общественное сознание такую независимость с большей или меньшей отчетливостью фиксировало.

Амбивалентность власти и ее носителя — и в то же время объективная общая тенденция эволюции в потестарной, а затем политической сфере — прекрасно видна у тех же зулу и свази. Так, у свази в случае совершения рядовым соплеменником проступка перед духами предков ответственность перед предками нес отнюдь не сам виновник, но стоящий над ним вождь. Не менее показательным, что у зулу рядовые члены отдельных племен или родов, которые их вожди пытались увести за пределы власти верховного инкоси, что со времен Чаки считалось тяжким преступлением, личной ответственности за свое участие в такого рода попытках не несли¹⁷. В обоих случаях коллектив в лице вождя как будто прикрывал своего члена от опасности. Но одновременно перед нами предстает по сути дела отчуждение рядового члена общества от важнейшего его права-обязанности: личной ответственности перед коллективом, включая в последнее понятие и предков. Если взглянуть на дело в более широкой исторической перспективе, то перед нами — одна из самых ранних стадий утраты равноправия в рамках военно-иерархического общественного организма (какими и были общества свази и зулу).

Попытки привести реальные обстоятельства общественной жизни к традиционной норме, каким-то способом разрешить возникавшие противоречия, т. е., говоря словами Маркса, воспроизводить общину «при том же объективном способе существования» (с. 483) предпринимались в первую очередь в сфере идеологии, так сказать, на магическом уровне¹⁸. Ритуализация конфликта становилась в этих условиях типичной формой такого разрешения противоречий, возникавших в ходе функционирования обновленной верховной власти. Во всех таких случаях имелось в виду путем ритуального противопоставления и противоборства должного и недолжного «восстановить» общество, интегрировать его в «прежних» формах.

Характерная черта типичного ритуализованного конфликта — то, что он отражает специфику зародышевых форм классовой борьбы, которые возникали как раз на стадии непосредственного превращения организации позднепотестарной в раннеполитическую. В данном случае эта борьба развертывалась не столько вокруг распоряжения средствами производства, сколько вокруг права на тот или иной престижный статус в обществе¹⁹. С одной стороны, речь идет явно о таких ЭСО, которые еще не стали классовыми в полном смысле этого слова. Но с другой, они уже явно преодолели и тот уровень социального развития, на котором превышение числа претендентов над числом престижных постов не сопровождалось еще дифференциальным доступом к материальным благам — благам, опять-таки, прежде всего престижным. Иначе говоря, мы имеем

¹⁷ Kuper H. The Swazi; Gluckman M. Order and Rebellion... P. 22.

¹⁸ Gluckman M. Politics, Law, and Ritual in Tribal Society. Oxford. 1965. P. 216—267.

¹⁹ Schapera I. Government and Politics in Tribal Societies. L., 1956; Idem. Kinship and Politics in Tawana History//Journ. of the Royal Anthropological Inst. 1963. Vol. 93. Pt. 1. P. 159—173; Sellnow I. Zur Rolle der Volksmassen im Prozess der Staatenbildung// Beiträge zur Entstehung des Staates. B., 1974.

дело со стратифицированными обществами, если пользоваться терминологией М. Фрида²⁰.

Понятно, что ритуализованный конфликт не в состоянии изменить объективно обусловленный процесс социально-экономического развития. Скорее он выступает как идеологическое прикрытие тех необратимых перемен, какие уже произошли в обществе. Но не менее существенно и то, что такой конфликт оказывался в ряде случаев эффективным средством массовой психотерапии, успокоения массового сознания, причем одновременно он вводил в это сознание принципиально новый элемент: за ритуалом всегда как нечто само собой разумеющееся стояло утверждение права одного человека на то, чтобы олицетворять и представлять все общество и осуществлять верховное руководство последним. Ведь предметом спора оказывалось уже лишь то, как одному этому человеку наилучшим образом эти функции выполнять. Таким образом, массовое сознание общества и его идеология преодолевали важнейший качественный порог: в них органической частью входила идея подмены коллективного управления общественным организмом управлением одного человека, пусть даже и окруженного группой помощников и советников.

В то же время табу, складывавшиеся вокруг личности правителя, создавали, с одной стороны, возможности, а с другой — реальные пути для возникновения нового высшего социального слоя: позднейшей служилой аристократии, «царских людей» (при всей условности этого термина), связанных с правителем (вождем) не только и даже не главным образом узами кровного родства. Эти перемены протекали параллельно, хотя вовсе не обязательно синхронно, с формированием новых ценностных ориентаций в массовом сознании. Таким образом, представление о божественных предпосылках функционирования общества переносилось на принципиально новый строй, представлявший, собственно, отрицание той основы, коллективистской по своему характеру, на которой сложилось это представление.

В заключение стоит, видимо, отметить, что сопоставление «Форм, предшествующих капиталистическому производству» с анализом становления государственности, проделанным Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», позволяет говорить о том, что основоположники научного социализма подходили к идентичному в принципе решению проблемы возникновения политической организации с разных сторон. Маркс ее рассматривал с точки зрения политической экономии, тогда как Энгельс основывался на анализе конкретно-исторического материала. Необходимость такого анализа была очевидна и для Маркса, как можно видеть по его замечаниям в конспектах книг Л. Г. Моргана и Г. Мэйна: эти замечания развивают далее мысли, высказанные ранее в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»²¹. Однако окончательная формулировка марксистского взгляда на проблему выпала уже на долю Энгельса.

²⁰ *Fried M. H. On the Evolution of Social Stratification and the State//Culture in History. Essays in Honor of Paul Radin/Ed. Diamond S. N. Y., 1960. P. 713—730; Idem. The Evolution of Political Society. P. 185—191, 224—226.*

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 227—372, 373—430.*

А. С. Петрова

**ФЕНОМЕН ОБЩЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЭТНОПСИХОЛОГИИ
[к постановке проблемы]**

По установившейся в советской науке точке зрения, особенности этнической психологии формируются под действием экономических, социально-политических, правовых, историко-культурных и географических фак-